

*Степан Васильевич Смоленский
Москва. 1899 г.*

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ М. И. ГЛИНКИ

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ
Том IV

Степан Васильевич Смоленский
ВОСПОМИНАНИЯ

Подготовка текста, вступительная статья и комментарии:

Н. И. Кабанова

Научная редакция:

М. П. Рахманова

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2002

ББК 85.318

Р 89

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 01-04-16096

Р 89

Русская духовная музыка в документах и материалах.
Т. IV. Степан Васильевич Смоленский. Воспоминания: Ка-
зань, Москва, Петербург / Гос. центральный музей музы-
кальной культуры им. М. И. Глинки; Подгот. т-та, вступит.
ст., коммент. Н. И. Кабановой; Науч. ред. М. П. Рахма-
нова. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 688 с., ил. –
(Язык. Семиотика. Культура.)

ISBN 5-94457-056-3

Впервые публикующиеся Воспоминания Степана Васильевича Смо-
ленского можно поставить в ряд лучших русских мемуаров описываемого
автором периода от 60-х годов XIX века до первых лет следующего столе-
тия. Составители создавали, что этот текст по своему содержанию не мо-
жет полностью вписаться в рамки данной тематической серии, хотя в
проблематике духовной музыки самым непосредственным образом отно-
сится большая часть Воспоминаний, прежде всего седьмая и девятая гла-
вы, посвященные Синодальному хору и училищу и Придворной певческой
капелле (по объему примерно две трети мемуаров), а также фрагменты
шестой главы, где рассказывается об опытах приобщения к церковному
пению поволжских инородцев, отдельные очень выразительные страницы
казанских глав, главы о С. А. Рачинском и т. д.

Широта содержания Воспоминаний Смоленского, отражающая та-
лантивость и многосторонность натуры их автора, который был прежде
всего деятелем жизни, потребовала в ряде случаев подробного комменти-
рования, с привлечением других материалов из архива Смоленского. Пуб-
ликующий после Воспоминаний Биографический очерк Н. Ф. Финдейзена
отчасти восполняет не освещенный в Воспоминаниях последний период
жизни автора и расставляет некоторые важные вехи и акценты в отноше-
нии всей его биографии.

ББК 85.318

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o
M153, E-mail: koshlev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax:
45 86 20 9102, E-mail: slavik@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки
славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-056-3

9 785944 570567 >

© Н. И. Кабанова. Подготовка текста,
вступительная статья и комментарии, 2002
© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика.
Культура», 1995

Оглавление

От научного редактора (<i>Марина Рахманова</i>)	7
Степан Васильевич Смоленский и судьба его архива (<i>Надежда Кабанова</i>)	13

Воспоминания

Вступление	55
<i>Глава I.</i> Детство и школьные годы	59
<i>Глава II.</i> Семья моего отца и друзья нашей семьи	121
<i>Глава III.</i> Университет	132
<i>Глава IV.</i> В суде (1872—1875)	153
<i>Глава V.</i> Музыка в Казани в шестидесятых — семидесятых годах	165
<i>Глава VI.</i> Н. И. Ильминский и моя служба в Казанской иностранческой учительской семинарии	179
<i>Глава VIIA.</i> Москва. Консерватория	219
<i>Глава VIIБ.</i> Москва. Синодальный хор и училище церковного пения	231
<i>Глава VIII.</i> С. А. Рачинский и Татеево	401
<i>Глава XI.</i> Придворная певческая капелла	424

Комментарии

К вступлению и главе I	507
К главе II	513
К главе III	516
К главе IV	518
К главе V	519

К главе VI	522
К главе VIIA	541
К главе VIIБ	544
К главе VIII	565
К главе IX	581

Приложения

<i>Приложение I.</i>	Памяти В. Н. Пасхалова	587
	Памяти С. А. Рачинского	592
	Знакомство со старообрядцами	597
	Значение современного старообрядчества для желающих изучить древнерусское церковное пение	601
<i>Приложение II.</i>	Степан Васильевич Смоленский. Биографический очерк (<i>Н. Ф. Финдейзен</i>).....	604
	<i>Приложение III.</i> Каталог опубликованных работ С. В. Смоленского с данными о местонахождении сохранившихся автографов и подготовительных материалов	627
Именной указатель.....		636

От научного редактора

...Он был одним из больших русских людей — из тех, которым присваивается почетное звание «соль земли».

С. В. Смоленский о С. А. Рачинском

Перед читателями — текст, который дожидался своего времени ровно столетие. Текст пространный, захватывающе интересный, красиво и ярко написанный, хотя иной раз и не легкий для восприятия.

По нашему убеждению, Воспоминания Степана Васильевича Смоленского можно поставить в ряд лучших русских мемуаров описываемого автором периода — второй половины XIX века, от 60-х его годов и до первых лет следующего столетия. Включая Воспоминания Смоленского в серию «Русская духовная музыка в документах и материалах», мы сознавали, что по своему содержанию они не могут полностью «вместиться» в рамки данной тематической серии (а наверное, и какой бы то ни было иной), хотя к проблематике духовной музыки самым непосредственным образом относится бóльшая часть Воспоминаний — прежде всего седьмая и девятая главы, посвященные Синодальному хору и училищу и Придворной певческой капелле (по объему — примерно две трети мемуаров), а также фрагменты шестой главы, где рассказывается об опытах приобщения к церковному пению поволжских инородцев, отдельные очень выразительные страницы казанских глав, главы о С. А. Рачинском и т. д. Широта содержания Воспоминаний Смоленского, отражающая талантливость и многосторонность натуры их автора, который был прежде всего «деятелем жизни», а не только (и даже — не столько) педагогом, музыкантом, ученым, ставит перед публикаторами сложные проблемы при комментировании. Мемуары Смоленского не похожи ни на одни из известных нам «музыкальных мемуаров», потому что и сам Степан Васильевич не вписывался в какую-либо замкнутую среду. Если бы, допустим, его Воспоминания издавались в серии «общественно-политических» или «педагогических» мемуаров (что вполне возможно), к ним потребовался бы совсем иной комментарий, нежели тот, который дается здесь, в се-

рии «Русская духовная музыка»: естественно, мы уделяем преимущественное внимание этой стороне деятельности Степана Васильевича, нередко оставляя в тени иные моменты.

Затем, надо иметь в виду такую особенность природы Смоленского, как горячность, страстность, доходившую иногда до «пристрастности». Он был человеком, о котором хочется сказать стихами А. К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Конечно, любил Степан Васильевич хоть и самозабвенно, но все же «с рассудком», людей, вполне того достойных. Главные его наставники, те двое, кому посвящены специальные главы в Воспоминаниях, Н. И. Ильминский и С. А. Рачинский, — люди замечательные и деятели уникальные. А вот насчет «рубнуть сплеча» — это явно имело место. Подобной «рубкой» нужно считать прежде всего пространные пассажи в последней, девятой главе о Придворной капелле, написанные почти как дневник, чуть ли не день в день с происходившими событиями. И если в главе о Синодальном училище сильно и поделом достается малосимпатичным чиновникам вроде III¹ или III² (то есть прокурорам Московской Синодальной конторы А. Н. Шишкову и А. А. Ширинскому-Шихматову), то резкость написанного в девятой главе о замечательных музыкантах М. А. Балакиреве, А. К. Лядове и особенно о С. М. Ляпунове, а также и о более скромных, но полезных деятелях Капеллы вроде Е. С. Азеева или С. А. Смирнова не может не смутить читателя. Похожий случай есть в разделе о Московской консерватории, но там филиппики в адрес директора консерватории В. И. Сафонова уравниваются все-таки признанием его выдающегося таланта и крупных достижений; в девятой же главе никакой «компенсации» нет. Остается только призвать читателя, во-первых, сделать скидку на характер Смоленского и на ситуацию полного развала, которую он застал в Придворной капелле, а во-вторых, припомнить величие заслуг тех же Балакирева, Лядова и Ляпунова перед русской музыкой в целом.

Сам Степан Васильевич называет себя в эпилоге Воспоминаний «неисправимым семидесятником», то есть человеком 70-х годов XIX столетия. Это — сложное определение, включающее и непосредственное влияние предшествующей эпохи (кое в чем, и не в малом, Смоленский — типичный «шестидесятник»), и нечто иное. Здесь, кажется, возможна даже аналогия с «шестидесятниками» и «семидесятниками» следующего, XX века. По общему складу убеждений Смоленского, как и его любимого наставника Рачинского, можно отнести к позднему славянофильству — недаром же на последних страницах Воспоминаний возникает имя главы этого движения Ивана Сергеевича Аксакова, человека иного, чем Смоленский, поколения, но во мно-

гом (по темпераменту, по рисунку жизненного пути) близкого Степану Васильевичу. Однако Смоленский, в отличие от Аксакова, был не столько теоретиком и публицистом (хотя и ими тоже), сколько практиком. В его отношении к народу и народному искусству, к церковному пению в частности, есть «народнический» восторг, но преобладает трезвая и глубокая оценка, основанная как на любви и преклонении, так и на настоящем знании.

Главный, самый удачный и плодотворный период деятельности Смоленского приходится на царствование Александра III. Собственно, новые общественные настроения, связанные с этим царствованием, и вынесли Смоленского на «гребень волны»: из обаятельной, но все же провинциальной Казани в самый центр Москвы (в прямом и переносном смысле). Позволим себе привести достаточно длинную цитату из речи памяти Александра III, произнесенной в 1895 году К. П. Победоносцевым, то есть тем человеком, который и поставил мало кому известного в конце 1880-х годов казанского педагога и начинающего ученого во главе большого дела — реформирования Московского Синодального училища церковного пения и Синодального хора.

«[В период между царствованием Александра I и вступлением на престол Александра III] протекло с лишним столетие. В этот период времени трудно исчислить, сколько сделало успехов, как выросло русское историческое самосознание. (...) Открыто и обнаружено множество новых памятников, осветивших историю народной жизни, явились молодые ученые с самостоятельными взглядами на учреждения и события и характеры, в обществе проснулся живой интерес к памятникам народного творчества в песнях, в былинах, в музыке, в архитектуре.

В Москве собрался кружок культурно образованных людей, одушевленных мыслью о необходимости народного самосознания в исследовании прошедших судеб страны своей и своего народа; они явились в обществе и в литературе с протестом против ложного отношения к русской жизни и ее потребностям, против самодовольного невежества и равнодушия ко всему, что касалось до самых живых интересов России. Это были люди, искавшие в прошедшем своей родины идеала для устройства будущих судеб ее, и они первые сознательно выяснили перед всеми нераздельную связь русской народности с верою и с Православною Церковью. (...) Посреди таких явлений возрастал и образовался будущий император».

В этих словах описан, вообще говоря, идеал Смоленского, который преклонялся перед русским народом, был убежденным «государственником», до конца дней своих верил в величие исторической миссии России и в «народного царя» (ненавидя и презирая при этом окружавшую царя бюрократию), являлся, по его собственным словам, «искренне православным», притом церковно православным — и «генетически», по происхождению, и по личным убеждениям.

Отсюда острая боль, которая выплескивается на страницах Воспоминаний в связи со всем тем, что омрачало высокий идеал. Гневные суждения

Смоленского о «чиновничьем царстве» в многоликих его проявлениях (скорее всего, именно действия чиновников и укоротили жизнь этому от природы очень сильному и здоровому человеку) в особых комментариях не нуждаются. Предполагаем, однако, что многие читатели будут поражены — как были поражены и мы — теми страницами московской главы Воспоминаний, где Смоленский пишет о нравственном состоянии церковной среды, которое раскрылось ему при переезде из патриархальной Казани в древнюю столицу. Это — жесткие и даже жестокие страницы, но у нас нет оснований сомневаться в правдивости всегда искреннего и прямого Смоленского. Речь здесь не идет о каких-то личных столкновениях с церковными кругами по поводу деятельности Синодального училища или пения Синодального хора. Смоленский умел отделять частное от общего: так, например, испытывая трудности в служебных отношениях с митрополитом Московским Иоанникием, он все же пишет о нем как о достойном, добром и честном человеке. А чтобы понять глубину душевной оскорбленности Смоленского обнаруженными им, скажем мягко, «нестроениями» в церковной среде, надо вспомнить ту проникновенную нежность, с которой он говорит на других страницах своих мемуаров о духовных светочах русской земли: о будущем митрополите Московском Макарии (Невском) — «совершенно праведном иноке, великой добродетели перед Господом»; о просветителе северных народов, епископе Якутском (впоследствии — Уфимском) Дионисии, герое гениальной повести Лескова «На краю света»; о пламенном православии новокрещеных инородцев, о московских «любителях церковных искусств» из простонародья, наконец, о старообрядцах, поразивших его при первой случайной встрече и, собственно, наставивших его на тот путь, которым он шел далее до конца жизни...

Все это и многое другое в Воспоминаниях Смоленского заслуживает самого серьезного осмысления. Несколько проще обстоит дело с профессиональной деятельностью Степана Васильевича в области церковного пения: тут и он сам подробно рассказывает обо всем, и комментарии дают много дополнительного интересного материала. Важно, думается, только подчеркнуть несколько моментов.

Во-первых, Смоленский, с детства певший в церковном хоре, выросший в среде профессуры Казанской духовной академии, пришел к последовательным занятиям церковным пением зрелым человеком, получив два университетских образования (юридическое и филологическое), приобретя значительный педагогический опыт и — будучи полным автодидактом в специально музыкальной сфере. Здесь он — типичный русский «самородок», но с очень крупной и рано проявившейся одаренностью, позволившей ему и овладеть практически игрой на нескольких инструментах, и сформировать весьма широкий музыкальный кругозор — шире, чем у профессоров Московской консерватории, с которыми он повстречался в более поздние годы и которые, в значительной их части, отнеслись к Смоленскому, с его увлеченностью древнерусским искусством, более или менее скептически. Примеча-

тельно при этом, что ближайшим его товарищем в консерваторской среде стал самый достойный и образованный музыкант Москвы того времени — Сергей Иванович Танеев.

Во-вторых, в отличие от деятелей в области церковного пения предшествующего периода, которые подходили к задачам обновления и реформирования этого пения во многом с историко-теоретических позиций, Смоленский, будучи настоящим ученым, опирался все-таки прежде всего на свой живой слуховой опыт и непосредственное эстетическое чувство. Церковное пение явилось для него (как и для его друга С. А. Рачинского) той областью, где пересекались любовь к народу, к России и любовь к идеальной, возвышенной красоте. Смоленский высказывал свое заветное убеждение, когда в финале статьи «О собрании русских древнепевческих рукописей в Московском Синодальном училище церковного пения» призвал отечественных музыкантов обратиться к изучению этого мира: «...смею думать, что ознакомление с нашими древними церковными напевами вполне необходимо каждому русскому музыканту, особенно же начинающему композитору... И отчего бы не задуматься каждому из них над причинами того, почему иногда его обуревают чувство беспочвенности? почему же так чужд его духу целый мир вековых и родных музыкальных идей? (...) Свообразные мелодии, прекрасные по форме и содержанию, совершенно оригинальные ритмы не могут не удивить, не могут не освежить мирозерцание современного русского художника и должны отрезвить его простотою, ясностью и глубиною их мыслей». Так писал Смоленский в 1899 году, и едва ли ошибался.

Наконец, выдающийся организатор и педагог по природным своим данным и по воспитанию, Смоленский был в душе и ученым, и художником одновременно. Художественность природы Степана Васильевича читатель Воспоминаний ощутит с первых же страниц. И таков же он в своих научных работах — отсюда их непревзойденная яркость и огромное место, которое занимают в них интуитивные прозрения и всякого рода «догадки».

Не будем снова возвращаться к вопросу о роли Смоленского в истории русской духовной музыки, отечественной музыкальной медиевистики и т. д. — об этом достаточно подробно говорится как во вступительной статье Н. И. Кабановой, так и во всех предыдущих томах серии «Русская духовная музыка в документах и материалах», где широко представлены и работы Смоленского, и тексты о нем. Здесь же хочется сказать о многолетнем подвижническом труде исследовательницы из Брянска Надежды Ивановны Кабановой, которая, преодолевая бесчисленные трудности, подготовила к печати текст Воспоминаний, и вообще — первой осмыслила рукописное наследие Смоленского. Ее вступительная статья к этому тому не просто предваряет Воспоминания, но дает читателю многогранное представление о содержании неопубликованного архива Степана Васильевича.

Что касается рукописи Воспоминаний, то она явно была хранима судьбою. Долгое время путешествуя по разным рукам, она не подверглась унич-

тожению в бурном водовороте отечественной истории XX века, а вовремя «осела» в очень надежном месте — в квартире (потом — Музее-квартире) великого русского дирижера Николая Семеновича Голованова. И это было вовсе не случайное попадание. Голованов не просто интересовался документами своей *alma mater* — Синодального училища; он и в самые трудные годы, подчас рискуя (и ему было чем рисковать — например, постом главного дирижера Большого театра), писал духовную музыку (правда, «в стол»), собирал русскую религиозную живопись и иконопись, поддерживал московское духовенство, ни от чего в собственном прошлом не отрекался и вообще вел себя храбро и достойно. Смоленский мог бы гордиться таким выпускником своего любимого Синодального училища.

Хотелось бы выразить особую, самую теплую признательность сотрудникам Мемориального музея-квартиры Н. С. Голованова — В. И. Руденко и О. И. Захаровой, проявившим редкое понимание и терпение в связи с подготовкой к печати рукописи Воспоминаний С. В. Смоленского, а также принести благодарность руководству Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки и лично генеральному директору А. Д. Панюшкину.

Текст Воспоминаний печатается по правилам современной орфографии и пунктуации, с сохранением некоторых особенностей оригинала. Позднейшие вставки автора выделяются курсивом. Максимально воспроизводятся «дополнительные материалы» — схемы и нотные примеры (факсимиле). Относительно вклеенных в рукопись печатных текстов было решено ограничиться двумя вырезками из «Русской музыкальной газеты» — очерком о В. Н. Пасхалове и заметкой памяти С. А. Рачинского. Не воспроизводятся три другие печатные вклейки — воспоминания о Казанском университете и воспоминания о Н. И. Ильминском — как во многом совпадающие по содержанию с соответствующими главами основного текста, а также заметка памяти А. А. Эрарского; не перепечатывается также вклеенная в восьмую главу вырезка из газеты «Новое время» со статьей о Рачинском В. В. Розанова. К двум печатным документам в Приложении присоединяются рукописные дополнения Смоленского к разделу о старообрядцах, не вошедшие в автограф Воспоминаний, но примыкающие к нему по смыслу. Что касается помещаемого после материалов Смоленского «Биографического очерка» Н. Ф. Финдейзена, то его публикация, на наш взгляд, не только отчасти восполняет не освещенный в Воспоминаниях последний период жизни Степана Васильевича, но и расставляет некоторые важные вехи и акценты в отношении всей его биографии, показывает, как оценивалась его деятельность современниками.

Степан Васильевич Смоленский и судьба его архива

Буквально сразу после ухода из жизни Степана Васильевича Смоленского, в июле (по новому стилю — августе) 1909 года в «Русской музыкальной газете» появилась статья его памяти редактора-издателя газеты Николая Федоровича Финдейзена¹. В ней впервые было упомянуто об огромном личном архиве Смоленского, которому Финдейзен придавал исключительно важное значение: по его мнению, «непонятая» и «неоцененная» до конца современниками фигура Смоленского должна была раскрыться будущим поколениям не только в опубликованных или оставшихся неизданными научных работах, «закрывающих такую массу своеобразной мысли, остроумия и личного, глубоко продуманного опыта», но и в материалах архива ученого. Как писал Финдейзен, «в этих крупных документах скажется Смоленский как человек, и художественная, чисто русская натура его станет во весь рост, во всю ширину своего крупного, многостороннего и своеобразного дарования. И тогда только русское общество узнает, чем в действительности был Смоленский и в русской жизни, и в русской науке».

Вскоре, в январе 1910 года Финдейзен выступил с публикацией «К полугодовщине дня кончины С. В. Смоленского»², где более подробно рассказал об архиве ученого. Большой поклонник Смоленского, Финдейзен в течение тринадцати лет (с 1897 года) печатал его работы в своей газете. Кроме того, Николай Федорович Финдейзен был страстным коллекционером, в личном собрании которого сосредоточивались разнообразнейшие материалы, касающиеся истории русской музыки и современников-музыкантов. По приглашению вдовы Смоленского, Анны Ильиничны, он, вместе с другом и соратником Смоленского Антонином Викторовичем Преображенским, с огромным интересом занялся разборкой рукописей ученого. Результатом стала упомянутая «статья-отчет» к полугодовщине со дня кончины Степана Васильевича.

¹ Финдейзен Н. Ф. Памяти С. В. Смоленского // Русская музыкальная газета, 1909, № 32—33, стб. 689—694.

² Русская музыкальная газета, 1910, № 3, стб. 65.

Особо выделив в литературном наследии Смоленского Воспоминания, Дневники, а также большую переписку с С. А. Рачинским, Финдейзен отметил: «...если “Дневник” Смоленского — и по обширности своей, и по факторам в нем отмеченным — в настоящее время вряд ли может появиться в печати, то всячески нужно желать и способствовать скорейшему напечатанию Воспоминаний Степана Васильевича. (...) Издание этих Воспоминаний — дело первой и неотложной необходимости. Несомненно, что Дневник Смоленского представит еще более крупный интерес (мне приходилось с ним знакомиться еще при жизни Степана Васильевича), ибо эти семь [с афонским дневником восемь. — *Н. К.*] объемистых томов — своеобразная летопись, полная документальных исторических фактов. Но для опубликования их — не настала еще пора».

Второй раздел написанной по горячим следам статьи посвящался сугубо научным рукописям из архива ученого. Коснувшись вопроса готовности к изданию трех масштабных трудов — «Описания знаменных и нотных рукописей церковного пения, находящихся в Соловецкой библиотеке Казанской духовной академии» (1885, 1905), «Сравнительного текста догматиков воскресных в знаменных и нотных изложениях с XIV—XV по XIX век» (1904), «Каталога нот русского пения в XVII и XVIII веках» (1896), — Финдейзен охарактеризовал их как «совершенно завершенные» и ждущие публикации. Далее он указал и на ряд важных незавершенных работ, в частности на «Ритмические записи» — тетрадь заметок и материалов, а также на «Кондакари», «Годовые стихирари», «Стихирари постные», «Минеи», «Подобны малого распева» — сравнительные параллельные изложения песнопений соответствующих жанров по рукописям разных библиотек и частных собраний. Перечисленные работы, «путеводные нити для будущих исследователей церковного пения», тоже, по мнению Финдейзена, могли быть «пригодны для печати в той или иной форме».

Сообщив о своих планах опубликовать в ближайшее время в газете ряд материалов из архива Смоленского, Финдейзен приглашал к сотрудничеству другие учреждения. Он горячо приветствовал Общество любителей древней письменности, осуществившее на средства своего председателя графа С. Д. Шереметева посмертное издание последнего труда ученого — «Музыкальной грамматики Николая Дилецкого», и выразил убеждение, что лучшим памятником Смоленскому могло бы стать издание остальных его крупных научных трудов, поскольку их публикация «не под силу частным лицам».

Конечно, уважение к памяти Смоленского, выразившееся в первые дни после его кончины множеством поминальных звонов по всей Русской земле, не ослабевало в течение последующих лет, вплоть до 1917-го. На страницах «Русской музыкальной газеты», «Хорового и регентского дела», «Музыкального труженика», «Церковного пения» появился ряд интересных и ценных статей, заметок, воспоминаний учеников, последователей, почитателей Смо-

ленского. Журнал «Хоровое и регентское дело», у истоков которого стоял сам Степан Васильевич, опубликовал такие его работы, как «О русской церковно-певческой литературе с половины XVI века до начала влияния приезжих итальянцев», «Вступительная лекция по истории церковного пения, читанная в Московской консерватории 5 октября 1889 года», «Вступительная лекция по истории церковного пения, читанная в Петербургском университете в октябре 1905 года», «Церковное пение, народная песня и школьные хоры (мысли С. В. Смоленского)». В «Русской музыкальной газете» вышли «Чтения из истории русского церковно-певческого искусства» (выступления Смоленского в Обществе любителей древней письменности), «Несколько новых данных о так называемом кондакарном знамени в кондакарях XII—XIII веков», «Клавесинная музыка в России второй половины XVIII века». Кроме того, в 1911 году Финдейзен опубликовал пятый выпуск своего сборника «Музыкальная старина», целиком посвященный памяти Смоленского: сюда вошла одна из последних работ ученого — «Значение XVII века и его кантов и псалмов в области современного церковного пения так называемого “простого напева”» с большим нотным приложением, а также составленные Финдейзенем «Биографический очерк» и два ценнейших указателя — «Указатель изданных литературно-музыкальных трудов С. В. Смоленского в хронологическом порядке» и, при содействии А. В. Преображенского, «Полный список докладов и лекций Ст. В. Смоленского за 1901—1908 гг., читанных главным образом в Обществе любителей древней письменности».

И все-таки в дореволюционные годы так и не появились публикации, связанные с Дневниками и Воспоминаниями, а также с эпистолярией из личного архива ученого. Такие публикации, как «Письмо Д. В. Разумовского к С. В. Смоленскому» («Хоровое и регентское дело», 1910, № 7), «Три открытки С. В. Смоленского А. Д. Кастальскому» («Музыка», 1916, № 248), «Письмо С. В. Смоленского редакции старообрядческого журнала “Церковное пение”» («Церковное пение», 1909, № 8), «Два письма священнику Уфимской епархии Михаилу Степанову» («Хоровое и регентское дело», 1915, № 12), основывались на материалах, находившихся вне личного архива ученого. Иначе говоря, оставались невостребованными те уникальные памятники, о которых столь взволнованно и убедительно говорил Финдейзен в статьях памяти Степана Васильевича.

Знакомство Николая Федоровича Финдейзена с архивом ученого привело к весьма важному результату — созданию «Биографического очерка». А. В. Преображенский дал ему очень высокую оценку: «Биографический очерк составлен подробно и прекрасно обрисовывает глубоко симпатичный облик незабвенного Степана Васильевича на протяжении всей его жизни, от школьной скамьи — до последних дней. Н. Ф. Финдейзен приводит в очерке целый ряд выдержек из “Воспоминаний” и переписки Степана Васильевича

с разными лицами, чем очень оживляет известный всем сухой биографический перечень событий его жизни»³. Действительно, среди работ о Смоленском биографического плана⁴ очерк Финдейзена выделяется как масштабами, так и богатством материала. Из текста становится ясно, к каким источникам автор обращался в процессе работы. Это, конечно, научно-исторические труды Смоленского, фрагменты писем к нему С. А. Рачинского, письма Степана Васильевича к самому Финдейзену, а также и Воспоминания. Причем Финдейзен касается тех подробностей биографии Смоленского, которые содержались именно в полной двухтомной рукописи-автографе Воспоминаний, но, прибегая к прямому цитированию, использует лишь тексты известной, изданной еще в 1904 году статьи Смоленского «Из воспоминаний о Казани и Казанском университете в 60-х и 70-х годах»⁵. Материал статьи представлял собою стилистически переработанный и дополненный текст третьей главы Воспоминаний («Университет») и некоторых страниц других казанских глав. Таким образом, Финдейзен, зная основную событийную канву, изложенную в Воспоминаниях, по каким-то причинам пользовался только изданным материалом. Невольно возникает предположение, что в период работы над очерком Николай Федорович не имел в своем распоряжении полной рукописи Воспоминаний, которую читал раньше. Во всяком случае, в архиве Финдейзена не сохранилось следов какой-либо подготовительной работы с этим автографом, в то время как существуют выписки из писем С. А. Рачинского, использованные в очерке в виде цитат⁶. Знакомство Финдейзена с двухтомным фолиантом происходило скорее всего торопливо, в спешке, о чем свидетельствуют и некоторые фактические неточности, допущенные в очерке. Так, отец Смоленского, Василий Герасимович, по словам Финдейзена, служил в Петербургском университете, хотя на первых же страницах Воспоминаний сказано, что Василий Герасимович служил у архиепископа Казанского Григория (Постникова) и с ним приезжал в Петербург для присутствия в Св. Синоде. Дед со стороны матери, Степан Дмитриевич Колеров, назван «бывшим профессором Санкт-Петербургской духовной академии», что тоже неверно: окончив Петербургскую духовную академию, Колеров преподавал в Киевской духовной академии с дальнейшими переводами в Тверь и Кашин.

³ *Преображенский А. В.* Два посмертных труда С. В. Смоленского // Хоровое и регентское дело, 1911, № 2, с. 40.

⁴ Например: более ранний биографический очерк самого Финдейзена «Профессор С. В. Смоленский» (РМГ, 1901, № 17); биографический очерк А. В. Преображенского в его «Словаре русского церковного пения» (М., 1896); статья «С. В. Смоленский» за подписью С. М. Л. [Священник Михаил Лисицын] в журнале «Музыка и пение» (1901, № 9—12) и т. д.

⁵ Литературный сборник к 100-летию императорского Казанского университета. Казань, 1904, с. 237—273.

⁶ ОР РНБ, ф. 816, оп. 3, ед. хр. 2680.

Ошибочно указаны в очерке даты рождения и смерти Смоленского — 8 октября и 20 июля, каковая погрешность перешла во все позднейшие справочные издания, лишив тем самым Смоленского знаменательного покровительства казанских святителей Гурия и Варсонофия, под праздничные трезвоны которым 3 октября 1848 года появился на свет человек, которому было суждено продолжить завещанное этими святителями дело христианского просвещения народов Поволжья. Умер Смоленский 19 июля. Об этом свидетельствует А. В. Преображенский, записавший на документе передачи Дневников в Общество любителей древней письменности: «С. В. Смоленский скончался 19 июля 1909 года»⁷. Неточность даты смерти возникла, по всей видимости, случайно. Так, в своей статье «Памяти Степана Васильевича Смоленского» (М., 1909), написанной 21 июля, С. Д. Шереметев говорит: «Скончался Смоленский. Известие это дошло по телеграфу из Васильурска 20 июля, в день “Илии — гремящего пророка”». Телеграмма была получена Шереметевым в его имении, селе Михайловском; вероятно, тогда же, 20 июля, известие дошло и до Петербурга, и этот день был принят за дату кончины Степана Васильевича.

На многие возникающие в связи с архивом Смоленского вопросы дает ответ документ первостепенного значения — *завещание* Степана Васильевича. Оно сохранилось в копии, выполненной рукою того же Н. Ф. Финдейзена и находящейся в его фонде в Российской национальной библиотеке⁸. Составлялось завещание 12 января 1905 года в Петербурге. Само наименование документа — «Дополнительные мои распоряжения по духовному завещанию Анне Ильинишне Смоленской» — указывает на существование основного документа (или первого варианта) завещания. В конце «Дополнительных распоряжений» читаем: «Настоящим распоряжением подтверждаются все сделанные мною ранее (еще в Москве) распоряжения о моем погребении и отменяются те из прежних сделанных, которые, по истечении времени и по перемене обстоятельств, стали сами собою излишними». Московский вариант завещания, к сожалению, нам неизвестен. Однако «Дополнительные распоряжения» являются, по сути, полным завещанием, так как Смоленский в них подробно коснулся всех требовавших разрешения вопросов. Распоряжения же о погребении, не указанные здесь конкретно, были, очевидно, исполнены по московскому документу: Смоленского похоронили в его родной Казани.

Степана Васильевича не заботили денежные сбережения — их попросту не было. С. С. Волкова в своих воспоминаниях о Смоленском пишет: «Соблюдая порядок в собственных денежных делах, он и жена его всегда были готовы прийти на помощь ближним. После смерти их говорили, что они

⁷ РГИА, ф. 1119, оп. 1, ед. хр. 3, л. 1.

⁸ ОР РНБ, ф. 816, оп. 3, ед. хр. 2670.